

Кровное родство

Автор:

Эд Макбейн

Кровное родство

Эд Макбейн

87-й полицейский участок #30

Стивен Кинг считал Эвана Хантера, прославившегося под псевдонимом Эд Макбейн, одним из самых влиятельных писателей послевоенного поколения. По признанию Кинга, он подражал Макбейну, когда работал над романом «Сияние». «Кровное родство» – запутанная история поимки жестокого насильника.

Эд Макбейн

Кровное родство

Ed McBain

Blood Relatives

© 1975 by Hui Corporation

© Вуль Н. А., перевод на русский язык, 2021

© ООО «Феникс», издание на русском языке, оформление, 2021

Она мчалась босая сквозь дождь и гудение автомобильных клаксонов, вздымая ногами брызги, подсвеченные огнями неоновых вывесок. Она бежала сломя голову, а ее зеркальное отражение в черном, влажно поблескивающем асфальте, словно сямский близнец, несло вместе с ней по грязным лужам, переливавшимся красным, зеленым, оранжевым и голубым цветом.

Она истекала кровью.

Кровь лилась из глубокой раны на правой щеке, текла из порезов на ладонях и пальцах. Платье спереди было разорвано, был виден бюстгальтер, и девушка, чтобы хоть как-то прикрыться, на бегу пыталась стянуть края загубленного наряда. Дождь шел с десяти вечера. Поначалу лило как из ведра, но теперь с небес падала лишь морось, образуя над асфальтом туман. Вдалеке сквозь водянистую дымку зеленели круглые фонари, горевшие у входа в восемьдесят седьмой полицейский участок.

Девушка поскользнулась, ноги подкосились, отказываясь ее слушаться. Она грохнулась на тротуар с жутким звуком, наводящим на мысли о вывихе, ударилась об асфальт бедром. Резко выдохнув от боли, неподвижно села, склонив голову. Накапывал дождик. Платье, колготки, бюстгальтер – все было вымазано в крови. Кровь сочилась из раны на щеке, полыхала рубиновым огнем в горизонтальных порезах, покрывавших ладони и пальцы. Светофор на пустынной улице переключился на красный. Этот свет горел очень ярко, и на какой-то миг почудилось, что девушка с ног до головы покрыта кровью. Послышался щелчок – светофор снова переключился. В то же мгновение лицо девушки, платье, бюстгальтер, промокшие колготки, кровоточащие порезы на руках, рана на щеке – все сразу стало зеленым. С трудом поднявшись на ноги, она кинулась к полицейскому участку.

Детектив Берт Клинг, присев за стол в дежурке, оформлял задержание молодого человека, который владел лишь одним языком – испанским. Со вздохом детектив указал на большой лист бумаги, специально повешенный как раз для таких случаев. На этом листе на испанском языке были расписаны все права задержанного. Молодой человек посмотрел на лист, кивнул и только начал читать, как вдруг в участок ворвалась девушка. Преодолев наружную

деревянную дверь, она налетела на вторую, двухстворчатую, стеклянную, и заколотила в нее обеими руками. Обернувшись на стук, Клинг первым делом увидел кровавые разводы на стекле. Кровавые разводы и отпечатки ладоней – по одному на каждую створку. Берту подумалось, что он не забудет этой картины до конца своих дней. Как только двери распахнулись, девушка влетела в дежурку – руки широко расставлены, пальцы и ладони в порезах, из раны на щеке льется кровь, синее платье разорвано, бюстгальтер перемазан кровью, бледное, в потеках туши лицо облеплено мокрыми черными волосами.

– Помогите! Ради бога, помогите! – умоляюще воскликнула она, бросившись к столу, за которым сидел Клинг.

Патрульный Шанахан промочил ноги.

Лить перестало минут десять назад, только какой от этого толк, если он, почитай, весь день проходил под дождем. Ну хорошо, не весь день, а с 15:45 – именно тогда он сменил Донлеви. И что в итоге? Ноги промокли, в горле першит. Если заболит – придется мучиться неделю в постели. Шанахан был дородным мужчиной, а в черном дождевике, напоминавшем плащ то ли Бэтмена, то ли Дракулы, наброшенном на широкие мощные плечи, полицейский выглядел еще внушительнее. Сжимая в правой руке утяжеленную дубинку, а в левой – фонарик, Шанахан шел по пустынной улице, совершая обход своего участка. Как же все-таки хорошо, что дождь прекратился, как здорово, что уже половина двенадцатого и где-то через пятнадцать минут его, Шанахана, сменят. Черт, вот только ноги он промочил, в ботинках хлюпает.

И тут полицейский неожиданно увидел руку.

Лежавшая на крыльце рука торчала из открытой двери, ведущей в подъезд брошенного дома. Шанахан застыл как вкопанный. С того места, где замер полицейский, он мог различить только ладонь с кистью, и больше ничего, и на короткий миг ему показалось, что рука оторвана, а само тело отсутствует. Однако, подойдя поближе, он увидел и очертания всего тела, неподвижно лежавшего поперек порога. Поднявшись по широким ступенькам на крыльцо, он осветил фонариком руку, лежавшую ладонью вверх, и увидел покрывавшие ее порезы. «Дело плохо», – понял Шанахан. Осознание этого пришло еще до того, как он направил луч фонарика на само тело.

Неожиданно до полицейского дошло, что он стоит в крови, и он в ужасе отпрянул, будто бы боясь, что она растворит подошвы его ботинок. Чувствуя под ногами липкое, Шанахан сделал шаг назад, ненароком сдвинув луч фонарика чуть вверх. Полицейский увидел само тело, и тут же волной накатила дурнота. Он быстро отвел взгляд. Вход в подъезд стал вроде рамы чудовищной картины, многократно усиливая ее кошмарность. Устыдившись своей слабости, Шанахан заставил себя вновь посмотреть на тело. Девушка лежала навзничь в собственной крови. Лет шестнадцати, темноволосая, невидящий взор широко распахнутых темных глаз устремлен вверх, к потолку со вздувшимися пузырями штукатурки и потеками влаги, которая, казалось, готова вот-вот прорваться и затопить всю парадную. На девушке сохранились остатки изрезанного в клочья розового платья. Нож убийцы не делал различий между плотью жертвы и ее одеждой. И то и другое было безжалостно, в безумной ярости искромсано. Лицо и тело несчастной покрывали жуткие раны. Когда до Шанахана дошло, что нос бедняжки фактически отрезан и свисает с лица на тоненьком клочке кожи, полицейский отвернулся и его скрутил приступ рвоты.

Отдышавшись, он поспешил к телефонной будке на углу, откуда и позвонил в участок.

Моноган и Монро были не разлей вода и всегда работали вместе. Именно поэтому, когда Стив Карелла увидел Моногана в одиночестве, то не сразу его узнал. Согласно существовавшим в городе правилам, расследование убийства поручалось местному детективу, выехавшему на место преступления, однако убойный отдел главка непременно присылал свою команду – то ли для того, чтобы помочь советом, то ли чтобы отдать должное серьезности совершенного преступления. Моноган и Монро работали в убойном отделе главка в паре, однако сегодня ночью явился лишь Моноган, напоминавший в отсутствии своего товарища человека без тени и голос без эха. Моноган пояснил, что его напарник захворал – слег с гриппом. Черт бы побрал этот грипп, так и косит в этом месяце народ. Черное пальто с белым платочком в нагрудном кармане, черная фетровая шляпа с загнутыми полями, черные кожаные перчатки, белоснежный шелковый шарф, черный галстук-бабочка – Моноган вырядился так, словно собрался на бал к губернатору или как минимум в оперу. Он пояснил, что праздновал годовщину свадьбы, причем золотую, и что его вытащили прямо из-за стола, за который ему хотелось бы как можно скорее вернуться. Моноган говорил таким тоном, будто бы Карелла нес личную ответственность за смерть девушки, лежавшей в луже собственной крови.

– Как думаешь, сколько ей? – спросил Моноган. – Я о возрасте, – тут же пояснил он. Создавалось впечатление, что Моноган в тоске по отсутствующему напарнику решил подавать реплики и за Монро. За долгие годы излишнее многословие этой парочки из главка стало ее визитной карточкой, и Моноган явно не собирался изменять традициям.

– На вид лет шестнадцать-семнадцать, – отозвался Стив Карелла.

Он смотрел на раны, покрывавшие тело девушки. Как можно обращать дышащую жизнью плоть в ничто? Стив думал о том, что так и не привык к этому и вряд ли уже привыкнет. Десять минут, полчаса назад девушка была еще жива. А теперь ее изломанное тело лежит в парадной заброшенного дома, а бежавшая по жилам кровь, дарившая энергию и силу, покрывает пол, словно выплеснутая из корыта грязная вода. Глядя на тело, Карелла поморщился, будто от боли, и предпочел промолчать, когда Моноган высказал предположение, что девушку, судя по изорванным, покрытым кровью трусикам, перед убийством изнасиловали.

Через некоторое время подъехал и судмедэксперт. Был он сердит и раздражителен – как и любой другой врач, которому выпало ехать на вызов в непогожую ночь. Кроме того, оптимизма не прибавлял и тот факт, что на дворе было воскресенье, когда полагается веселиться и отдыхать, а не осматривать убитых.

– Ни днем ни ночью нет покоя, – вздохнул судмедэксперт, поставив черный саквояж рядом с трупом девушки.

– Хотя бы дождь прекратился, – промолвил Моноган.

– Вы в курсе, как англичане узнают о погоде? – осведомился судмедэксперт.

– Нет. И как? – с интересом посмотрел на него Моноган.

– Подходят к окну и смотрят на собаку. Если собака стоит на улице мокрая, значит, идет дождь. Если с собаки течет ручьями, скорее всего, дождь очень сильный.

Оба рассмеялись.

- Дождь вызывает у сексуальных маньяков обострение, – со знанием дела произнес Моноган. – Такое мог сотворить только маньяк.

- Псих, – кивнул судмедэксперт.

- Сумасшедший, – улыбнулся Моноган. В лице судмедэксперта он обрел достойную замену Монро. Даже этой промозглой воскресной ночью расследование пойдет по накатанной колее, с дежурными диалогами, достойными Труляля и Траляля. Настроение у Моногана заметно улучшилось. – Славно он над девчонкой потрудился, – небрежно промолвил он.

- Ага, – согласился судмедэксперт. – Все ей изрезал: и трахею, и сонную артерию, и яремную вену.

- А на руки внимание обратили? – спросил Моноган.

- Сейчас и до них доберемся, – отозвался врач.

Моноган повернулся к Карелле и, сочтя, что тот не обойдется без объяснений, охотно пояснил:

- Порой, когда убийца наносит удары ножом, жертва пытается закрыться руками, и тогда на пальцах остаются порезы.

- Или на запястьях, – подал голос судмедэксперт.

- Или на предплечьях.

- Или на ладонях.

- Ненавижу ножевые раны, – покачал головой Моноган. – А вы? Вот пулевое ранение – совсем другое дело. Чистенькое, аккуратненькое. А ножевые раны – жуть сплошная.

– Знаете, я и пулевые раны видел такие, что просто мама дорогая, – возразил врач.

– Это верно, – согласился Моноган. – Но ножевые раны все равно страшнее. Я их просто ненавижу.

– Лично я ненавижу раны, которые наносят разными тупыми предметами, – поделился судмедэксперт. – А про пулевые ранения – это вы зря. Иногда такой кошмар бывает...

– Я говорил об обычных пулевых ранениях. – Моноган поднял палец. – Если вы про ранения из дробовика – там совсем другое дело.

– Да какой там дробовик, – отмахнулся врач. – Взять, к примеру, среднестатистическое выходное отверстие пули калибра одиннадцать миллиметров. Дыра такая, что поезд проедет. Вот это я понимаю – жуткая рана.

– И все равно я больше всего ненавижу ножевые раны, – упрямо произнес Моноган.

– Что ж, каждому свое, – пожал плечами врач и защелкнул саквояж. – Она в вашем распоряжении, – кивнул он на труп девушки, поднимаясь с корточек.

– Ее изнасиловали? – спросил Моноган.

– Это мы узнаем после того, как сделаем анализы, – ответил судмедэксперт.

В сумочке девушки полицейские обнаружили расческу, пачку ментоловых сигарет, коробок спичек, три доллара и сорок центов, а также карточку социального страхования, на которой значилось имя погибшей. Девушку звали Мюриэль Старк.

В двадцать минут первого ночи в полицейский участок позвонила женщина. Представившись Лилиан Лоури, она попросила соединить ее с дежурным детективом. Когда сержант Марчисон поинтересовался, по какому вопросу она звонит, женщина ответила, что очень переживает за свою дочь с племянницей. В

восемь вечера девочки пошли в гости на вечеринку и до сих пор не вернулись домой. Попросив женщину не вешать трубку, Марчисон соединил ее с детективом Мейером, находившимся этажом выше – в инструктажной.

Первым делом Лилиан сказала Мейеру, что одной девочке пятнадцать, а другой – семнадцать лет, и они обещали вернуться домой самое позднее к одиннадцати вечера. К половине двенадцатого девочки так и не объявились. Тогда Лилиан позвонила туда, где проводилась вечеринка, и паренек, взявший трубку, сказал, что девочки уже минимум час как ушли. До дома им было идти не больше двадцати минут. Сейчас часы показывали половину первого, то есть прошло целых два часа с того момента, как девочки ушли с вечеринки. Мейер, который и сам растил дочь, как можно мягче предположил, что девочки могли пойти погулять в компании молодых людей с той же вечеринки. На это миссис Лоури заявила, что ее дочь всегда держала слово, а когда понимала, что задерживается, непременно звонила домой и предупреждала. Именно поэтому Лилиан так беспокоилась. Мейер записал внешние данные девушек, после чего попросил назвать их имена и фамилии. На это миссис Лоури ответила, что ее дочь зовут Патриция Лоури, а племянницу – Мюриэль Старк.

Мейер попросил Лилиан перезвонить ему, если девочки все-таки появятся. В том случае, если к утру миссис Лоури так и не свяжется с ним, он передаст полученные от нее сведения в отдел по розыску пропавших без вести. После этого он связался с дежурным сержантом и приказал передать всем патрульным машинам города ориентировку на двух девушек-подростков: обе темноволосые, кареглазые, одна в синем платье, другая в розовом, в последний раз видели неподалеку от Хардинг-авеню, 1214, предположительно двигаются на юг, в сторону своего дома по адресу Сейнт-Джонс-роуд, 1604. Ну и само собой, Мейер продиктовал сержанту имена и фамилии девушек, вот только они ни о чем дежурному не говорили. Он заступил на свою смену незадолго до наступления полуночи и не знал, что Клинг и Карелла уже занимаются расследованием двух дел, в каждом из которых фигурирует по девушке-подростку. Его неведение было объяснимо – откуда тому или иному детективу знать, чем занимается каждый из его коллег по участку в тот или иной отрезок времени. Клинг, например, не знал, что в данный момент Карелла сидит в больничном морге и ждет результатов вскрытия, чтобы выяснить, была ли изнасилована Мюриэль Старк. Карелла, в свою очередь, не знал, что Берт находится на восьмом этаже той же самой больницы и беседует с медиком-практикантом, разрешившим допросить израненную девушку, ворвавшуюся в участок два часа назад. Клинг даже не знал, как ее зовут, пока медик-практикант ему об этом не сообщил.

В 0:33 благодаря показаниям Патриции Лоури постепенно начала складываться картинка произошедшей трагедии.

Первым делом Патриция сказала Клингу, что убили ее двоюродную сестру Мюриэль. Она объяснила Берту, где это произошло, и Клинг тут же поспешил к столику дежурной медсестры в коридоре, на котором стоял телефон. Позвонив в участок, он выяснил, что Карелла еще час назад выехал на место преступления. Дежурный сержант сверился с регистрационным журналом и обнаружил, что, оказывается, Карелла сейчас как раз находится в больничном морге. Клинг поблагодарил дежурного, после чего, прежде чем вернуться в палату Патриции, позвонил в морг сказать Карелле, что он, Клинг, тоже в больнице и сейчас будет допрашивать свидетельницу преступления. Стив попросил обождать минутку, пообещав как можно быстрее подняться наверх.

Раны девушки успели обработать, а саму ее переодеть в чистую больничную пижаму. Теперь ее волосы были аккуратно расчесаны, а в глазах уже не стояли слезы. У больничной койки с карандашом наготове сидел полицейский стенограф. Ему предстояло записать показания Патриции – все до последнего слова. Карелла и Клинг задавали вопросы тихо и мягко. Патриция отвечала ровным ясным голосом, бесстрастно, без малейшего содрогания рассказывая о том, что случилось после того, как они с двоюродной сестрой ушли из гостей.

КАРЕЛЛА: И в котором часу это было?

ПАТРИЦИЯ: Мы ушли где-то в пол-одиннадцатого.

КЛИНГ: Вы пошли домой?

ПАТРИЦИЯ: Да.

КЛИНГ: Вы можете рассказать, что произошло?

ПАТРИЦИЯ: Снова начался дождь. Он весь вечер то переставал, то снова начинался. Когда мы выходили, он вроде стал поменьше, а потом зарядил с новой силой. Поэтому мы бежали по улице. Время от времени прятались: то под

навесами, то в парадных. Плащей мы не взяли – когда мы пошли в гости, дождя еще не было. Дождь начался, когда мы были где-то в двух кварталах от дома Пола.

КАРЕЛЛА: Пола?

ПАТРИЦИЯ: Пола Гэддиса. Это к нему мы ходили в гости. Он праздновал день рождения. Ему исполнилось восемнадцать.

КАРЕЛЛА: Патриция, а сколько вам лет?

ПАТРИЦИЯ: Пятнадцать. В декабре уже будет шестнадцать. Двенадцатого декабря.

КАРЕЛЛА: А вашей двоюродной сестре сколько было?

ПАТРИЦИЯ: Семнадцать.

КАРЕЛЛА: Ясно, продолжайте, пожалуйста. Вы вышли из дома Пола...

ПАТРИЦИЯ: Да.

КЛИНГ: На Хардинг-авеню?

ПАТРИЦИЯ: Ага. Там еще куча разных магазинов. Он живет неподалеку от перекрестка Хардинг-авеню и Шестнадцатой улицы. Когда мы добрались до Шестнадцатой, лило как из ведра. Мы встали под навес, чтобы переждать ливень, а как только он стих, пошли по Хардинг-авеню дальше, в сторону Четырнадцатой улицы. Там, знаете, стройка намечается, старые дома идут под снос, говорят, будет новый жилой микрорайон. Так вот, когда мы добрались до Четырнадцатой улицы, снова зарядил дождь, и мы с Мюриэль забежали в подъезд заброшенного дома. Просто чтобы спрятаться от дождя. Обождать, пока он хотя бы чуть-чуть поутихнет. Оттуда до нашего дома оставалось всего три-четыре квартала, вот мы и подумали – подождем пару минуток и пойдем дальше.

КЛИНГ: То есть вы хотите сказать, что ваша двоюродная сестра проживает у вас?

ПАТРИЦИЯ: Да. Она переехала к нам, когда мне было тринадцать лет. Ее родители погибли в автокатастрофе. Разбились на автостраде.

КАРЕЛЛА: Скажите, Патриция, у вас есть родные братья или сестры?

ПАТРИЦИЯ: Да, у меня есть старший брат.

КАРЕЛЛА: Как его зовут?

ПАТРИЦИЯ: Эндрю Лоури.

КАРЕЛЛА: Сколько ему лет?

ПАТРИЦИЯ: Девятнадцать.

КАРЕЛЛА: Он все еще живет с вами?

ПАТРИЦИЯ: Да.

КАРЕЛЛА: А он был сегодня на вечеринке?

ПАТРИЦИЯ: Нет, он работал.

КЛИНГ: Чем конкретно он занимается?

ПАТРИЦИЯ: Подрабатывает от случая к случаю в закусочной на Стеме. Когда там нужна помощь – обращаются к нему. Обычно это случается вечером в субботу. Думаю, если бы не работа, он бы пошел на вечеринку с нами. И тогда бы то, что случилось, ни за что бы не произошло.

КЛИНГ: Вы готовы рассказать нам об этом?

ПАТРИЦИЯ: Да. Мы стояли в парадной и смотрели на дождь. Мне казалось, что он никогда не перестанет. Я все твердила Мюриэль, что нам надо просто припустить что есть мочи и добежать до дома, но она не желала окончательно погубить свое платье. К тому моменту оно уже успело изрядно намокнуть, так что волновалась она не напрасно. И все же...

КЛИНГ: В котором это было часу?

ПАТРИЦИЯ: Наверное, где-то в районе одиннадцати.

КАРЕЛЛА: Продолжайте.

ПАТРИЦИЯ: На улице никого не было – ни единой живой души. Оно и понятно – в такой дождь все сидят по домам. Мы простояли в парадной как минимум минут пять, и за это время мимо не проехало ни одной машины. А потом... Не знаю, откуда он взялся... Наверное, он с самого начала был в здании, спал в одной из пустых квартир... Так вот, откуда ни возьмись, из темноты позади нас показался мужчина... Он схватил Мюриэль за запястье, и она закричала... Точнее, попыталась закричать. Но потом увидела у него в руке нож и тут же замолчала. Она замолчала даже раньше, чем он велел ей заткнуться. Сперва мне захотелось просто пуститься наутек, смыться оттуда поживее, но он приставил к Мюриэль нож, и я подумала, что, если сбегу, он может ее ранить – просто со злости. Вот я и осталась. Просто сами понимаете, в такой ситуации думаешь, что хуже уже не будет и все как-нибудь утрясется, кто-нибудь появится и спасет тебя.

КАРЕЛЛА: Вы узнали мужчину? То есть я хочу спросить, вам доводилось видеть его прежде?

ПАТРИЦИЯ: Нет, я видела его впервые.

КАРЕЛЛА: Вы можете нам его описать?

ПАТРИЦИЯ: Да. Он был высоким. Я бы сказала, примерно с вас. Где-то метр девяносто.

КАРЕЛЛА: Получается, что он был выше меня.

ПАТРИЦИЯ: Нет, не выше, примерно с вас. Только сложен чуть мощнее.

КАРЕЛЛА: Он был белым или чернокожим?

ПАТРИЦИЯ: Белым.

КАРЕЛЛА: Не обратили внимания, какого цвета у него волосы?

ПАТРИЦИЯ: Темные. Либо темно-каштановые, либо черные, но что очень темные – это точно.

КЛИНГ: А глаза?

ПАТРИЦИЯ: Глаза были голубые.

КЛИНГ: Усы, борода были? Или он был выбрит?

ПАТРИЦИЯ: Выбрит.

КАРЕЛЛА: Как он был одет?

ПАТРИЦИЯ: Кажется, в костюм. Либо в широкие брюки с пиджаком. Не уверена. Если на нем был пиджак, то однотонный. И темного цвета.

КАРЕЛЛА: И рубашка с галстуком?

ПАТРИЦИЯ: Галстука не было.

КАРЕЛЛА: Вы бы узнали его, увидев снова?

ПАТРИЦИЯ: Да. В подъезде было темно, но внутрь проникал свет от уличного фонаря. Я его узнаю. И голос его я тоже хорошо запомнила.

КЛИНГ: Вы сказали, что он велел вашей кузине замолчать?

ПАТРИЦИЯ: Да, но это случилось, когда она уже перестала кричать. Она закричала, когда он вышел из темноты, а потом увидела нож и замолчала. Но он все равно приказал ей заткнуться.

КЛИНГ: Что он еще сказал?

ПАТРИЦИЯ: Он обещал, что нас не тронет, если мы будем вести себя послушно. Он держал Мюриэль за запястье, а я стояла у противоположной стены. Он приставил к Мюриэль нож.

КАРЕЛЛА: Что это был за нож?

ПАТРИЦИЯ: В каком смысле?

КАРЕЛЛА: Выкидной или...

ПАТРИЦИЯ: Ах, вы об этом. Нет-нет, это был обычный нож. Знаете, вроде тех, которыми пользуются на кухне.

КАРЕЛЛА: Нож был коротким или длинным?

ПАТРИЦИЯ: Думаю, лезвие было сантиметров десять.

КАРЕЛЛА: И когда преступник показался из темноты, он уже держал в руке нож?

ПАТРИЦИЯ: Да.

КАРЕЛЛА: Откуда именно он появился? Справа или слева?

ПАТРИЦИЯ: Кажется, справа. Да, точно, справа. Мюриэль стояла справа, так что и он должен был появиться оттуда. Понимаете, он ведь схватил именно Мюриэль.

КЛИНГ: Что случилось после того, как он велел Мюриэль замолчать?

ПАТРИЦИЯ: Он заставил ее опуститься перед ним на колени. А потом сказал, что она должна делать то, что он потребует. Сказал, давай действуй, я знаю, тебе этого самой хочется. А я смотрела. Стояла у стены и смотрела. Она сделала все, что он требовал, и я думала, что после этого он нас отпустит. А он вдруг начал бить ее ножом... это... это было так жутко... Он снова и снова бил ее ножом, а я стояла, смотрела и не могла поверить своим глазам, не могла поверить в реальность происходящего, что он творит такое с ней... И я знала, что будет дальше, я знала, что он заставит меня проделать то же, что и Мюриэль, сперва пообещает, что меня не тронет, а потом все равно изрежет... Я поняла, что мне надо бежать, но почему-то не могла сдвинуться с места. Стояла как вкопанная и смотрела, как он творит с Мюриэль такое... А потом он...

КАРЕЛЛА: Патриция, вам вовсе не обязательно...

ПАТРИЦИЯ: Нет, я хочу вам рассказать как все было. Он повернулся ко мне и сказал: «Теперь твоя очередь», и сперва я подумала, что он решил проделать со мной все то же самое, что и с Мюриэль, а потом до меня дошло, что он собирается меня убить. Он пошел ко мне с ножом в руке, он целился им мне прямо в лицо. Я выставила руку, чтобы защититься, и отмахнулась, знаете, вот так, чтобы уберечь лицо, и он ударил меня ножом по ладони. Я выставила другую руку, а он все пытался прижать меня к стене и бил ножом по рукам. Кончиком ножа он разрезал мне платье. Тут я вспомнила, что он сотворил с грудями Мюриэль, и заорала что есть мочи. Только меня все равно никто не слышал – в округе ни души, весь микрорайон выделили под стройку. Именно в тот момент я и пропустила удар ножа, видите – располосовал мне лицо под глазом. Не знаю, как мне удалось вырваться. Наверное, двинула его ногой. Помнится, когда я выбегала из дома, он стонал, скорчившись на полу, так что, скорее всего, я ему ногой заехала. Потом услышала, как он завопил за моей спиной, услышала, как он бежит вслед за мной вниз по ступенькам крыльца. Я знала, что если он меня догонит, то убьет, как Мюриэль. Я пыталась сообразить, что мне делать. И подумала, что если побегу домой, то он может меня настичь либо на лестнице, либо в коридоре – дело в том, что мы живем на третьем этаже. Но если я побегу к полицейскому участку и если успею до него добраться, то вокруг будут полицейские и он не сможет причинить мне зла. Поэтому я и побежала к участку.

КЛИНГ: Он гнался за вами?

ПАТРИЦИЯ: Не знаю. Думаю, да. Знаете, в двух кварталах от участка я поскользнулась и упала. В этот момент за мной вроде уже никто не гнался. Наверное, он махнул на меня рукой. Вы его поймаете?

Допросив Патрицию, Карелла и Клинг спустились в морг, где встретились с врачом, который изложил им предварительные результаты осмотра тела убитой. Несмотря на то что в ходе нападения преступник нанес девушке множество увечий, смертельным, по мнению доктора, скорее всего, стало проникающее резаное ранение, протянувшееся от шеи до плеча, – шестнадцать с половиной сантиметров в длину и три сантиметра в глубину. В результате этого удара преступник полностью перерезал жертве левую общую сонную артерию и яремную внутреннюю вену, одновременно повредив левую долю щитовидной железы и переднюю долю трахеи. С точки зрения врача, смерть наступила в результате обширной кровопотери, усугубленной воздушной эмболией и попаданием крови в дыхательные пути.

Врач пояснил, что всякий раз, когда необходимо установить факт изнасилования жертвы перед убийством, проводится осмотр половых органов на предмет наличия повреждений, следов крови, семени, а также посторонних объектов вроде волос нападавшего. Исследование тела не выявило следов спермы ни на одежде девушки, ни в области влагалища, ни в заднем проходе, ни в желудочно-кишечном тракте. Впрочем, отсутствие волос и следов семени нападавшего вовсе не исключало факт изнасилования. Одна из ран, нанесенных девушке, вполне могла иметь сексуальную подоплеку. Эта рана привела к обширному кровотечению и вполне могла стать причиной смерти. Речь шла о разрыве стенки влагалища, который произошел из-за введения в область таза острого предмета, вероятнее всего орудия убийства, и последовавшего за этим рассечения левой подвздошной артерии. Тут врач попросил у детективов дозволения высказать свое мнение, выходящее за пределы его специализации – патологии и токсикологии. Когда полицейские с большим интересом попросили доктора продолжать, он заявил, что, скорее всего, детективы имеют дело с убийцей-садистом, который способен получить сексуальное удовлетворение лишь одним способом – лишая своих жертв жизни. При этом врач тут же отметил, что поскольку он не психиатр, то это лишь его частное мнение.

Поблагодарив его, детективы отправились в заброшенный дом на углу Хардинг-авеню и Четырнадцатой улицы.

Поскольку с официальной точки зрения расследованием убийства предстояло заняться Карелле, то он, возглавив следствие по этому делу, сразу связался с дежурным сержантом и попросил его поставить в известность о случившемся целый ряд лиц, чья деятельность связана с охраной правопорядка. Так полагалось делать всякий раз, когда происходило убийство. Дежурный сержант немедленно принялся за работу. Сперва он позвонил начальнику отдела судебной экспертизы, потом в межведомственный отдел, чтобы сообщить номер протокола судмедэкспертизы, затем – заведующему следственным отделом восемьдесят седьмого участка лейтенанту Бернсу, а также самому начальнику участка капитану Фрику, чтобы уведомить их о начале расследования по делу об убийстве. Затем он связался с начальником окружного следственного управления, убойным отделом главка, полицейской лабораторией, фотолабораторией и отделом дактилоскопии. Если бы преступник пустил в ход огнестрельное оружие, сержанту также пришлось бы позвонить в отдел баллистической экспертизы. Кроме того, в случае задержания преступника сержант был готов в любой момент связаться с окружной прокуратурой, чтобы запросить их представителя вместе со стенографом. Ну и само собой, он позвонил жене, предупредив ее, что работы у него по горло и он может припоздниться.

Еще раньше на месте преступления Стив Карелла попросил полицейского фотографа сделать снимки на «Полароид», чтобы сразу иметь на руках фотокарточки, а труп немедля отправить в больничный морг на вскрытие. Поскольку заброшенное здание было обесточено, Стивен заказал в отделе быстрого реагирования мощные осветители-прожекторы. К тому моменту, когда за телом приехала скорая, прожекторы уже успели установить и подключить, подъезд дома – оцепить, а также развесить таблички «Место преступления» и «Не курить». Запрет на курение не имел никакого отношения к заботе о здоровье. Окурки с места преступления нередко становились ценными уликами, и потому детективу, расследующему преступление, не хотелось впоследствии ломать голову, какой из окурков оставил злоумышленник, а какой – законопослушный гражданин.

Карелла лично сделал карандашом зарисовку места преступления, после чего с одним из техников-лаборантов принялся искать (а) орудие преступления, (б)

следы присутствия убийцы, оставленные им до, во время или после преступления, как то: волосы, одежда, пятна различного происхождения, следы мочи или кала. Одновременно с этим Стивен велел специалисту из дактилоскопического отдела со всей тщательностью обследовать подъезд на предмет наличия отпечатков пальцев или следов обуви, чтобы потом сравнить их с отпечатками покойной девушки. Пока в глаза бросался лишь один гигантский отпечаток ботинка сорок пятого размера, оставленный патрульным Шанаханом в липкой луже крови. Карелла уехал в больницу со спокойной душой – он знал: на месте преступления осталась целая команда высококвалифицированных профессионалов, занятая скрупулезным поиском улик, способных вывести на убийцу. В тот момент Стивен еще не знал, что имеется свидетель убийства – Патриция Лоури, которая может опознать преступника.

И вот теперь Стивен в компании Клинга и техника-лаборанта решил пройти от заброшенного дома, в котором погибла Мюриэль, до полицейского участка, проследовав тем же маршрутом, что и спасшаяся бегством Патриция. Карелла не рассчитывал обнаружить следы крови: если они и были, то их уже давно смыл дождь. Поиски туфель и сумочки Патриции его тоже не особенно занимали. В участок девушка прибежала босой и с пустыми, залитыми кровью руками. Либо она потеряла сумочку и туфли, пока бежала, либо избавилась от них намеренно. Впрочем, все это было не так уж и важно. В первую очередь Кареллу интересовало оружие убийства. Если преступник действительно гнался за Патрицией от заброшенного дома, значит, во время погони он должен был держать нож в руке. Вполне вероятно, что потом, сдавшись, он выбросил нож где-то по дороге.

Одна из атласных туфелек Патриции отыскалась на расстоянии в полквартиры от заброшенного здания. Кроме следов грязи, на ней ничего не было. Пройдя еще немного, полицейские обнаружили и вторую туфлю. На этой, возле высокого каблука, сохранились следы крови. Карелла, Клинг и техник принялись обсуждать, что бы это могло значить, и в результате пришли к выводу, что первая туфля слетела с ноги Патриции случайно, после чего девушка, проковыляв метров десять – пятнадцать, уже намеренно скинула вторую туфлю. В трех кварталах от места обнаружения второй туфли детективы наткнулись на сумочку Патриции, тоже со следами крови. Длинная и узкая сумочка – двадцать пять сантиметров в длину и десять сантиметров в ширину, была обтянута синим сатином – под цвет туфель на высоком каблуке. Внутри нее обнаружили пачка сигарет, зажигалка, расческа, кошелек для мелочи, а в нем – 63 цента, четыре жетона на метро, а также бумажник с семнадцатью долларами и фотографией

стройного темноглазого и темноволосого молодого человека.

Нож, оборвавший жизнь Мюриэль Старк, они так и не нашли. Однако в пяти кварталах от дома, где ее убили, они обнаружили мужчину, спящего на пороге китайской прачечной. Он был одет в темный костюм и белую рубашку без галстука. Волосы незнакомца были каштановыми, а на белой рубахе виднелось нечто, весьма напоминавшее пятна крови.

- Эй, просыпайся! - обратился к нему Карелла.

- Пошел вон, - буркнул мужчина.

- Слышь, ты, - с настойчивостью в голосе проговорил Стив, - давай вставай.

Клинг осветил фонариком в лицо незнакомцу. Мужчина приоткрыл глаза и тут же зажмурился от яркого света. Однако детективам вполне хватило этого короткого момента, чтобы заметить, что глаза мужчины голубого цвета. По словам Патриции Лоури, преступник был темноволосым мужчиной с голубыми глазами.

- Чё вам вообще надо, а? - недовольно склонил голову набок мужчина и чуть приоткрыл глаза.

- Что ты здесь делаешь? - строго спросил Карелла.

- Уснуть пытаюсь, - ответил незнакомец.

- А на рубахе у тебя что? - вступил в разговор Клинг.

- Где? Ты вообще о чем?

- Да вот. - Берт ткнул пальцем. - Это что, кровь?

- Это? - Мужчина опустил взгляд на рубаху. - А-а-а... Ну да, кровь. А вам вообще чё надо?

- Мы из полиции, - коротко произнес Карелла и показал удостоверение.
- Вот черт, - поморщился незнакомец.
- Как тебя зовут?
- Льюис Салли.
- Фамилию по буквам! - приказал Клинг.
- С-а-л-л-и. С двумя «л», - послушно ответил мужчина.
- Что ты здесь делаешь? Ночь на дворе.
- Я же сказал - пытаюсь уснуть.
- Откуда кровь на рубахе?
- Подрался, - буркнул Льюис.
- Где? - строго спросил Карелла.
- В кабаке. - Салли не отличался многословием.
- И давно ты здесь валяешься? - поинтересовался Стив.
- Понятия не имею. Сколько сейчас времени?
- Начало третьего, - подсказал Берт.
- Вообще не представляю. - Льюис покачал головой.
- А подрался когда? - вздохнул Карелла.

- Где-то в десять тридцать. Может, в одиннадцать. Сигаретки не найдется? У кого-нибудь есть закурить? - Салли обвел взглядом окруживших его мужчин.

- Держи. - Техник протянул ему пачку.

- Вот спасибо. - Льюис вытряхнул сигарету из пачки и закурил.

Детективы молча смотрели на него. Салли вернул пачку технику.

- Значит, ты был в кабаке и там подрался. Так? - спросил Стив.

- Ага, - кивнул Салли, - врезал одному мужику по носу.

- И он заляпал тебе кровью рубаху, - продолжил за него Клинг.

- Точно, - согласился Льюис.

- Свидетели драки есть?

- Не-а, - помотал головой Салли, - вообще никого.

- И как же так получилось? - удивился Карелла. - Что, в кабаке больше никого не было?

- Нет, в кабаке народ был. Просто подрались мы не в самом кабаке, а снаружи, - пояснил Салли.

- Получается, драки никто не видел, свидетелей нет, - протянул Берт.

- Точно, нет. - Салли выдохнул струйку табачного дыма. - Ну, если не считать того мужика, с которым я дрался.

- И как же его звали?

- Понятия не имею, - фыркнул Льюис.

- То есть ты подрался с человеком, которого даже не знаешь по имени? - хмыкнул Стивен.

- Ну да, - пожал плечами Салли. - А что тут такого? Он выпивал, я выпивал, мы повздорили, слово за слово - вот он и предложил мне выйти разобраться.

- Свидетели вашей ссоры есть?

- Не знаю.

- Кто-нибудь видел, как ты с ним выходил на улицу? - прищурился Клинг.

- То же самое - не имею ни малейшего представления.

- Что ты делал после драки?

- Сперва я погнался за тем мужиком, с которым дрался, - он пытался от меня сбежать. Потом махнул на него рукой и вернулся в кабак, - Салли облизал губы, - позвонил оттуда жене. Она сказала, что я пьяная сволочь, мол, чтоб даже не думал показываться дома. Вот я и стал искать место, где бы прикорнуть.

- В котором часу это было? - спросил Берт.

- В смысле, когда я позвонил жене? Я же сказал, где-то десять тридцать, одиннадцать. Типа того.

- Что делал дальше?

- Вышел из кабака и пошел в гости к своему корешу. Ларри. Но его не было дома. Тогда я зашел в ликеро-водочный, взял пузырь, нашел это местечко и бухал здесь, пока не отрубился. А в чем дело? - Салли недовольно поглядел на полицейских. - Мне не нравится, когда ко мне на улице цепляются полицейские и устраивают допрос.

- А тебя когда-нибудь раньше полиция допрашивала? Ну, скажем, на улице или где-нибудь еще? - вкрадчивым голосом поинтересовался Карелла.

- Было разок такое дело. - Льюис отвел взгляд.
- И почему тебя допрашивали?
- Да... - Салли махнул рукой. - Квартиру в моем доме обнесли.
- И полиция тебя в связи с этим допрашивала, так?
- Ага.
- А почему конкретно тебя? - спросил Берт.
- Да почему конкретно меня? - возмутился Льюис. - Они всех жильцов допрашивали.
- То есть ты никогда не имел никакого отношения к квартирным кражам?
- Нет.
- И преступлений никогда никаких не совершал?
- Нет, - снова ответил Льюис.
- Мистер Салли, - официальным тоном произнес Карелла, - мы вынуждены вас задержать.
- Это еще почему?
- Во-первых, мы хотим взять анализ крови с рубашки, а во-вторых...

Салли резко вскочил. Отбросив правой рукой окурок, он со всей силы двинул Кареллу под дых левой рукой, отчего Стивен согнулся в три погибели. Клинг попытался схватить Льюиса, но он ловко прошмыгнул мимо Берта, сбив его с ног на мокрый асфальт. Салли наверняка бы сбежал, если б не повисший на нем техник. Салли повалился ничком, но все равно пытался ползти вперед, изо всех сил брыкаясь ногами, чтобы стряхнуть вцепившегося в них мертвой хваткой

техника. Подоспевший Клинг прыгнул на спину Льюису и, заломив ему руки, надел на беглеца наручники. Салли затих, но перед этим он в последний раз дрыгнул ногой, пытаясь двинуть техника, который сидел на тротуаре и моргал, дивясь своей храбрости, – впервые в жизни он лично помог задержать преступника. Ему не терпелось поскорее вернуться домой, чтобы рассказать обо всем жене. Техник беспокоился лишь об одном – его супруга, скорее всего, ему не поверит.

Часы в инструктажной полицейского участка показывали три часа ночи. В принципе, уже наступило воскресенье, но по ощущениям все еще была суббота. Детективы не стали говорить Салли, что в пяти кварталах от того места, где он решил прикорнуть, был обнаружен труп девушки-подростка. Они заявили, что задерживают его за нападение на двух сотрудников полиции при исполнении, после чего спросили, готов ли он ответить на несколько вопросов. При этом они подчеркнули, что, если он не желает на них отвечать, его ни о чем спрашивать не будут.

– Что за вопросы? – с подозрением в голосе спросил Салли.

– Мы хотим знать, что ты делал у той китайской прачечной. И почему ты решил напасть... – начал Карелла.

– Я ни на кого не нападаю, – запальчиво перебил его Льюис, – я просто разок вам двинул и напарника вашего оттолкнул – только и всего.

– Это и есть нападение, – спокойно ответил Стивен.

– Да какое же это нападение?! – возмутился Салли. – Нападение, это когда кого-нибудь действительно покалечишь.

– Слушай, Льюис...

– Нет, погодите. – Салли не желал ничего слышать. – Ответьте, я вас что, покалечил? Вот правду скажите – я вас покалечил?

– Нет, не покалечил, – честно признался Карелла.

- Слушайте, тогда, может, отпустите меня с миром, а? Ну, если я никого не покалечил. Давайте забудем всю эту историю с нападением. Ну как, договорились? Я вообще не понимаю, о каком нападении идет речь. Я всего-навсего легонько двинул...

- Льюис, ты готов отвечать на наши вопросы или нет? - прервал его Стивен.

- Конечно готов! Отчего же не ответить-то? Если вы согласитесь забыть эту историю с нападением, то я с удовольствием отвечу...

- Ничего не обещаю, - покачал головой Карелла.

- Я все понимаю. - Салли подмигнул детективу. - Ну, какие у вас вопросы?

- Значит, так, Льюис, в первую очередь нас интересует, почему ты оказал сопротивление при задержании. Мы же сказали, что из полиции, ты это знал и все же ударил меня...

- Я вас не бил, - быстро проговорил Салли.

- Ударил-ударил, а потом сбил с ног моего напарника.

- Да я его просто толкнул походя, а он, наверное, поскользнулся, - с невинным видом произнес Льюис.

- Одним словом, как ты объяснишь свое поведение?

- Боюсь я полицейских. Вот и весь сказ, - вздохнул Салли.

- То есть ты лезешь с ними в драку, сбиваешь их с ног... потому что их боишься? - прищурился Карелла.

- Да я просто запаниковал, вот и все. Не хотелось мне в участок. Говорю же - боюсь я полицейских.

- А почему?

- Боюсь, и все. Без причины! – отрезал Салли.

- То есть ты просто боишься полицейских.

- Ага, боюсь. У меня, типа, фобия, – согласился Льюис.

- Скажи, Льюис, тебя раньше арестовывали? – вздохнул Карелла.

- Никогда.

- Значит, так, Льюис, мы пока не можем свериться с данными архивного отдела – он начинает работу только в восемь утра, но если мы обнаружим, что у нас в картотеке на тебя что-то есть... – строгим голосом начал Стив.

- Говорят же вам, никто меня никогда не арестовывал.

- Ты в этом уверен? – изогнул бровь Карелла.

- Естественно, – энергично кивнул Салли. – Жаловаться-то на меня, конечно, жаловались, но при этом ни разу не арестовывали.

- О каких жалобах идет речь?

- Ну что значит о каких? – развел Льюис руками. – Люди жалуются друг на друга. Стоит человеку немножко перебрать с выпивкой, а на него уже стучат.

- И кто конкретно на тебя жаловался?

- Ну, жена, например. Человек хватит лишку, легонько ее шлепнет, а она тут же кидается в полицию названивать.

- То есть твоя супруга жаловалась на тебя в полицию? – нахмурился Стивен.

- Всего несколько раз. Раза три-четыре.

- Потому что ты ее бил?

– Бил? – удивился Льюис. – Ну, я бы так не сказал. Шлепнул ее пару раз. Совсем чуть-чуть. Накатил в кабаке, пришел домой, дал ей легонечко пару тумаков. Вот и все.

– Давай начистоту, Льюис, откуда у тебя кровь на рубахе?

– Я ведь уже рассказал.

– Ты говорил про драку у кабака. Это правда? – Стивен пристально на него посмотрел.

– Не совсем. – Льюис опустил взгляд.

– Так, и где ты подрался?

– Ну... – Салли замялся. – В спальне.

– У себя дома?

– Ага, – кивнул забулдыга, – точно. У себя в спальне. Пропустил пару стаканчиков, захожу в спальню, а моя жена волосы расчесывает. Я и говорю ей: «Кончай с этим делом». А она знай себе сидит, волосы расчесывает и считает. Реально бесит, от этого рехнуться можно. Сидит и считает вслух: «Пятьдесят, пятьдесят один, пятьдесят два». Вот я и сказал ей, чтоб заткнулась. Она меня не послушалась, вот я ей и врезал. У нее чуть-чуть кровь из носа пошла, ничего серьезного. Она на меня наорала, велела мне катиться к чертовой матери. Ну, я и пошел в гости к Ларри, только его не было дома. Тогда я купил пузырь, высосал его и уснул на улице. Я почему от вас пытался сбежать – думал, она снова на меня пожаловалась. Слушайте, по правде говоря, я даже не знаю, сильно я ей двинул или нет. Вроде бы сильно, я был крепко выпивши. Когда я уходил, у нее кровь так и лилась. Мне проблем с законом не нужно. Я к чему клоню? Муж с женой всегда могут промеж себя любовно договориться, верно? Мы всегда миримся. Да, иногда я задаю ей жару, но она знает, что я ее все равно люблю.

– Угу, – кивнул Карелла.

– Люблю. Честно.

– Конечно.

– Так вот, – Салли сцепил пальцы в замок, – я рассказал вам все, что вы хотели, так что давайте забудем эту историю с нападением, договорились?

– У меня есть идея получше, – медленно проговорил Карелла.

– Какая еще идея? – Льюис с подозрением посмотрел на детектива.

– Для начала мы отправим машину к тебе домой – посмотрим, как обстоят дела у твоей жены. Потом мы сравним кровь на твоей рубашке с кровью твоей жены. Вдруг это не ее кровь, а чья-то еще? Правда, с этим придется подождать до утра – лаборатория по ночам не работает. Ну а пока веселья ради мы тебя задержим по обвинению в двух нападениях. Договорились?

– Двух нападениях? – ахнул Льюис. – Каких двух? Моя жена заявление на меня подавать не будет. Она меня очень любит.

– А вот мы тебя – не очень.

– Чего? – не понял Салли.

– Я говорю о себе и своем напарнике, – пояснил Карелла. – До двух считать умеешь? Ты напал на него и на меня. Вот тебе и два нападения. Но это, Салли, пока должно волновать тебя меньше всего. Посмотрим, что покажут анализы крови.

Результаты анализов были готовы к десяти часам утра. В протоколе было сказано, что кровь Мюриэль Старк относится к первой группе, а Патриции Лоури – ко второй, и, несмотря на то что место преступления, тела и одежда обеих жертв (как покойной, так и выжившей) обильно залиты кровью обеих групп, кровь с рубашки Салли относится к третьей группе. У супруги Льюиса была как раз третья группа крови, поэтому, по всей вероятности, его рассказ о ссоре с женой был правдой. Кстати, о жене. Как оказалось, он ей сломал не только нос, но и челюсть с ключицей. В тот самый момент, когда Патрицию Лори

выписывали из больницы, миссис Салли, наоборот, поместили туда, разместив в отдельной палате, которую вытребовал для супруги любящий ее до безумия муж.

Тем временем Карелла и Клинг, разместившись в инструктажной восьмидесяти седьмого участка, принялись перебирать имевшиеся дела сексуальных преступников, после чего запросили аналогичные данные во всех участках города. В одиннадцать утра в воскресенье Карелла отправился домой к семье, а Клинг – к Августе Блэр.

Во время Второй мировой войны для нанесения ударов по вражеским целям американские бомбардировщики вылетали с аэродромов в Англии. Они летели сквозь разрывы снарядов зенитной артиллерии, будучи не в состоянии увильнуть от вражеских истребителей, – относительная маневренность к самолетам возвращалась только после сброса бомб. По вечерам экипажи бомбардировщиков пили в пабах, играли с местными стариками в дартс и пели американские песни, силясь забыть ужас, пережитый в небе над Германией.

Во время вьетнамской войны американскую пехоту сперва перебрасывали на вертолетах с раскиданных по джунглям баз в Сайгон, а оттуда их везли на самолетах либо в Японию, либо на Гавайи, где бойцов ждал отдых. После этого они опять отправлялись в джунгли – считалось, что за отпуск они набрались сил и снова готовы столкнуться с повседневным кошмаром войны. Таким образом, и у летчиков Второй мировой, и у пехоты времен вьетнамского конфликта развивалась занятная форма двоемыслия, позволявшая им в один момент быть воинами, сражающимися в боевых частях, а в другой момент фактически гражданскими лицами. Утром ты сыплешь бомбы на дымящиеся трубы завода, вечером – потягиваешь пиво. В пятницу ты садишь из пулемета по тропе с вьетконговцами, а в понедельник ты тащишь в постель шлюху в Гонолулу. Говорят, это помогало людям оставаться в здравом уме. Все хорошо в меру. Со службой в полиции примерно такая же история.

Когда становится совсем невмоготу, отправляешься домой. Принимаешь душ и переодеваешься. Наливаешь в бокал ледяной мартини или горячий глинтвейн. Гладишь собаку по голове, а жену – чуть пониже спины. А потом ты начинаешь про себя рассуждать, время от времени качая головой или цокая языком. Ты говоришь себе, что если человек решил стать полицейским, а не садовником, то вполне естественно, что он чаще всего будет иметь дело не с розами и грядками, а с преступниками и насилием. Если человек решил стать

полицейским, он должен понимать, что служит в военизированной организации, каждый день выходящей на бой с преступным миром. Это война. А войны без жертв не бывает. Так что, если боишься вида крови, забудь о карьере полицейского. Ну или, скажем, нейрохирурга, который, кстати, заколачивает куда больше денег, чем страж закона. Кстати, если ты не выносишь крови, то и мясником тебе не стать. Однако коли уж стал полицейским, то, если хочешь остаться в живых, тебе нужно как можно быстрее обучиться одной хитрости. Той хитрости, которую освоили и экипажи бомбардировщиков Второй мировой, и несчастные пехотинцы времен вьетнамской авантюры. Как эпизодически радоваться жизни на гражданке. Карелла отправился домой к жене и детям, а Клинг – к Августе Блэр.

В участке служили детективы, которые нередко осведомлялись, причем неизменно в присутствии Клинга, собирается ли Берт жениться на несчастной девушке. Понятное дело, он и мизинца ее не стоил. Такая красавица, как Августа Блэр, чей профиль украшал обложки, не говоря уже о страницах, глянцевых журналов, а чарующий, с хрипотцой голос несся из динамиков радио и телевизоров, такая зеленоглазая чаровница с золотисто-каштановой шевелюрой, высокими скулами, белоснежными зубами, полной грудью, осиной талией и широкими бедрами заслуживала куда лучшей партии. Как такой олух, как Клинг, мог помышлять о ее руке и сердце?! А он помышлял. И даже сделал ей предложение. На которое она, между прочим, ответила согласием. Но это случилось давно – в январе, когда бандит по имени Рендалл Несбитт (со временем люди, скорее всего, забудут, что он сотворил, но Клинг будет помнить об этом до конца своих дней) устроил в Западном Риверхэде волнения небывалого доселе масштаба. Клинг сделал Августе предложение в тот вечер, когда Несбитт повел армию своих оболваненных приверженцев в последний бой. Через несколько секунд после того как Августа согласилась выйти замуж за Берта, Карелла передал ему по телефону, чтобы он убирался поскорее из центра города, потому что там вот-вот должен был начаться настоящий ад. Это было в январе. А сейчас на дворе стоял сентябрь. Ребятам из восьмидесят седьмого участка хотелось праздника – свадьбы или на худой конец бар-мицвы[1 - Бар-мицва – иудейский праздник в честь достижения ребенком совершеннолетия (13 лет для мальчиков и 12 – для девочек)]. Но младшему сыну Мейера Мейера исполнялось тринадцать только следующим летом, а Коттон Хоуз не выказывал никаких намерений жениться на Кристин Максвелл. Таким образом, единственной возможностью погулять на празднике была маячившая на горизонте свадьба Клинга и Августы.

Здравый ум. Все это было связано с желанием сохранить здравый ум. Свадьбы, дни рождения, бар-мицвы, юбилеи (главное, не похороны, работникам участка и так слишком часто приходилось иметь дело с похоронами, причем, как правило, совершенно незнакомых людей) в участке ждали с нетерпением, там отмечали любое радостное событие, позволявшее создать мимолетное ощущение следования традициям. Полицейские, точно так же, как экипажи бомбардировщиков Второй мировой, просто принимали меры, чтобы не потерять рассудок. Они хватались за любую возможность почувствовать себя обычными гражданами. Да здравствуют простые житейские радости! Именно поэтому сотрудники восьмидесят седьмого участка непременно обрадовались бы, узнав, что воскресным утром в сентябре Клинг и Августа решили обсудить свою будущую свадьбу. Говоря конкретнее, они пытались решить, кого из работников участка пригласить на это радостное событие.

- Понимаешь, я не хочу превращать нашу свадьбу в выездное заседание Благотворительной ассоциации патрульных полицейских.

- Или в съезд «Изумрудного сообщества»[2 - «Изумрудное сообщество» - американская ассоциация работников полиции ирландского происхождения.], - покивал Клинг.

- Или в собрание всех стражей закона нашего города для встречи с начальником полиции, - продолжила Августа. - Все-таки речь идет о нашей свадьбе.

- Я все прекрасно понимаю, - вздохнул Берт. - Поэтому заранее прошу тебя не расстраиваться и не сердиться.

- Да я не сержусь.

- Просто пойми, - с чувством проговорил Клинг. - Я работал бок о бок с большинством этих ребят много лет, поэтому просто обязан их пригласить. Я сейчас говорю не о тех, кого хочу видеть на нашей свадьбе, вроде Стива или Мейера, или Хэла, или Коттона, или лейтенанта, или Боба, или...

- Берт, но ты уже и так назвал половину следственного отдела!

- Ну что ты, солнышко, - мягко возразил Клинг, - у нас в следственном отделе шестнадцать человек.

- А если ты прибавишь к ним еще их жен...

- Далеко не все из них женаты. Если честно, золотце, я бы их всех пригласил. Правда-правда. Я же с ними работаю. Ну, подумай, как это будет выглядеть - одних я позову, а других - нет. Вот представь, работаю я в паре, скажем, с Энди Паркером, на меня кидается головорез, и тут Энди думает: «Та-а-ак, раз Берт меня на свадьбу не позвал, пусть сам с бандитом разбирается. На хрена мне ему помогать?»

- Ну да, - покивала Августа.

- Уже по одной этой причине мне важно сохранить хорошие рабочие отношения с каждым из детективов следственного отдела. Есть и другая причина. Подавляющее большинство ребят мне просто по душе. Положа руку на сердце, не могу сказать, что я без ума от Энди Паркера, но когда узнаешь его поближе, то понимаешь, что он не такой уж плохой человек. Но в целом ребята мне нравятся, и потому мне хочется, чтобы они пришли ко мне на свадьбу. Понимаешь, зайныка?

- Понимаю. - Августа тяжело вздохнула. - Ну коли так, Берт, тогда получается, что у нас на свадьбе будет больше народу, чем мы изначально рассчитывали.

- А на сколько гостей мы рассчитывали?

- Человек на семьдесят - семьдесят пять.

- Может, мы в такое количество и уложимся, - примирительно произнес Клинг.

- Только вот не понимаю как.

- Хорошо, давай еще раз посмотрим список, - предложил Берт.

Они стали снова просматривать список. Клинг не упомянул, что завтра ему предстоит допросить как минимум дюжину человек, совершивших преступления на сексуальной почве. С Августой они говорили только о свадьбе. Потом они пошли и пообедали в ресторане, а после отправились на прогулку по городу. В центре имелись и блошинные рынки, и выставки картин под открытым небом.

Кое-где на тротуарах поставили ларьки, в которых торговали антиквариатом. Порой Берту и Августе казалось, что они очутились в Париже.

В понедельник утром Клинг снова стал полицейским.

III

В Уголовном кодексе штата, в котором проживал и работал Клинг, все преступления на сексуальной почве были сгруппированы в статье 130. Часть 35 статьи 130 была посвящена изнасилованию с отягчающими обстоятельствами, определявшемуся как тяжкое преступление категории «В»[3 - По законам США за тяжкие преступления категории «В» предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 25 лет.]. В части 38 той же самой статьи рассматривалось мужеложство[4 - В США уголовное преследование за мужеложство было окончательно отменено Верховным судом только в 2003 году.], объявлявшееся лишь правонарушением категории «В»[5 - По законам США за правонарушение категории «В» предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от одного месяца до полугода.]. В части 55 рассматривались развратные действия без применения насилия, также объявлявшиеся правонарушением категории «В». В общей сложности в статье 130 приводилось одиннадцать разновидностей преступлений на сексуальной почве. Помимо всего прочего, там было сказано следующее: «Лицо, подозреваемое в совершении одного или нескольких преступлений, предусмотренных положениями настоящей статьи, или же в покушении на совершение таковых, может быть осуждено исключительно на основании неподтвержденных показаний предполагаемой жертвы только в случае совершения в отношении таковой развратных действий без применения насилия». Некоторые полицейские недоумевали, почему подобное исключение не распространяется на одно из определений преследуемых по закону половых извращений – «вступление в половую связь с животными и телами покойных», ведь вполне логично было бы предположить, что в данном случае жертва показания дать не сможет.

Подавляющее большинство полицейских не находили в статье 130 ничего странного. Причем немало уголовников разделяли их мнение. Лица, совершившие преступления на сексуальной почве, в тюремной среде находились

на положении парий. Если бы у осужденного по статье 130 была такая возможность, он бы с радостью выдал себя за кровожадного убийцу, изрубившего свою жертву топором, за поджигателя или отравителя, спровадившего на тот свет четырнадцать жен. В лицах, совершивших преступление на сексуальной почве, причем преступление любого плана, было что-то невыразимо отталкивающее. Именно так считалось в стенах любой тюрьмы и за ее пределами.

Когда заходит речь о преступлениях, взгляды уголовников и стражей закона совпадают редко, однако всегда имеются свои исключения из правил. Когда в понедельник утром Клинг начал допрашивать людей, некогда совершивших сексуальные преступления, детектив поймал себя на том, что внутри него с необоримой силой растет чувство отвращения к собеседникам. Список подлежащих задержанию лиц составили еще накануне. Его передали дежурному сержанту с приказом выслать группы задержания и доставить их в участок к утру понедельника. Список состоял из тринадцати человек, которые теперь сидели в инструктажной и на скамейках в коридоре, дожидаясь своей участи. Все до единого знали о произошедшем. Все были в курсе, что накануне в субботу был найден труп зверски убитой девушки-подростка, которую преступник, предположительно, изнасиловал. Об этом писали все газеты, об этом надрывались по телевизору в ток-шоу. Если вас когда-нибудь привлекали по статье за сексуальное преступление, вы должны быть готовы – стоит кому-нибудь в вагоне метро пощупать бабенку за задницу, как к вам тут же является полиция. Чего уж говорить об убийстве.

Каждый допрос Клинг начинал с одних и тех же вводных слов. Он объяснял сидящему напротив человеку, по какой причине его доставили в участок, и подчеркивал, что о предъявлении каких бы то ни было обвинений даже и речи нет. «Однако вы должны понимать, – продолжал Клинг, – что был найден труп девушки, и у следствия есть основания полагать, что преступление было совершено на сексуальной почве. (Какие именно основания – Берт не уточнял.) Ну а поскольку вы ранее привлекались по статье сто тридцать, – продолжал детектив, – следствие было бы вам крайне признательно, если бы вы могли рассказать, что вы делали и где находились вечером в субботу в промежутке между половиной одиннадцатого и половиной двенадцатого». Каждый из доставленных в участок неизменно и небезосновательно начинал возмущаться. Да, его когда-то привлекали за развратные действия, изнасилование (или любое другое из одиннадцати преступлений, предусмотренных статьей 130), но это не дает полицейским никаких оснований хватать и тащить его в участок всякий раз, когда какой-нибудь малолетке задирают юбку. «Если вы не в курсе, –

продолжал кипеть каждый из задержанных, – то я свой срок отсидел и прошел программу реабилитации. Думаете, приятно, когда вам напоминают о давно искупленных провинностях?» Клинг немедленно извинялся, сетуя на несовершенство существующей системы, вынуждающей человека всю оставшуюся жизнь тащить на себе бремя криминального прошлого. «Но поймите, – продолжал Берт, – я не собираюсь доказывать вашу причастность к совершенному преступлению. Как раз наоборот, мне важно знать, что вы не имеете к нему никакого отношения. Поэтому вы уж извините нас за доставленные неудобства. Сейчас вам проще всего ответить на вопросы и пойти дальше по своим делам».

Каждый из задержанных неизменно соглашался, сетуя на то, что полиция непременно загребет его и в следующий раз.

Но на вопросы отвечал.

Пятый из задержанных, подошедший к столу Клинга, оказался обладателем черных вьющихся волос и голубых глаз. Одет он был в темно-синий пиджак и светло-голубую спортивную рубашку. Штаны у него были тоже темно-синего цвета, но по оттенку не особо подходили к пиджаку. И пиджак, и штаны были в равной степени измятыми, а лицо покрыто недельной щетиной. Тут же придвинув к себе стул, он без всякого приглашения сел, устроившись напротив Клинга.

– Мистер Донателли? – уточнил Берт.

– Да, сэр, – низким голосом отозвался Донателли. Взгляд его светло-голубых глаз метался по инструктажной. Задержанный поглядывал то на шкафы с бумагами, то на бачок с питьевой водой, то на вентилятор, то на стенд, висящий на стене. Вот только на Клинга он не смотрел.

– Джеймс Донателли?

– Да, сэр.

– Мистер Донателли, – откинулся на спинку стула Клинг, – вы догадываетесь, почему вас сюда доставили?

– Да, сэр, – отозвался задержанный. – Думаю, это как-то связано с убитой девушкой.

– Совершенно верно, – кивнул Берт.

– Я не имею никакого отношения к этому преступлению, – твердым голосом произнес Донателли.

– Прекрасно. Рад это слышать.

– Знаете, стоит человеку один раз оступиться и совершить проступок подобного рода, и его на всю жизнь записывают в сексуальные маньяки, – посетовал задержанный. – Я не имею никакого отношения к убийству этой девушки, о чем с радостью спешу вам сообщить.

– Это прекрасно, мистер Донателли, просто прекрасно, особенно учитывая тот факт, что вас никто ни в чем не обвиняет. Мне очень жаль, что мы были вынуждены подобным образом потревожить вас, однако...

– Ничего страшного. – Брюнет небрежно махнул рукой. – Но зачем я вам понадобился? Что вы хотите у меня узнать? Давайте закончим с этим побыстрее, а то мне удержат зарплату за полдня.

– Вы можете сказать, где вы были в прошедшую субботу вечером? – спросил Клинг.

– В котором часу?

– Между половиной одиннадцатого и половиной двенадцатого, – уточнил Берт.

– Разумеется, могу, – уверенно произнес задержанный.

– И где же?

– В боулинг-клубе.

- В каком именно? - поинтересовался Клинг.

- «Авеню-Эль».

- И с кем вы там играли в боулинг?

- Ни с кем. Я играл один, - ответил Донателли.

Берт оторвал взгляд от блокнота. Глаза детектива и задержанного встретились - впервые с момента начала допроса.

- Один? - переспросил Клинг.

- Я знаю, это звучит странно.

- Вы что, всегда играете в боулинг один?

- Ну почему же? - Донателли скрестил руки на груди. - Просто моя девушка заболела, а мне не хотелось сидеть дома, вот я и пошел один.

- Ладно, ничего страшного, - кивнул Берт. - Наверняка вас в боулинг-клубе знают и смогут подтвердить...

- Видите ли... - замялся задержанный. - В том конкретном боулинг-клубе я был в первый раз. Собственно, это моя девушка предложила туда сходить. Мы должны были встретиться прямо там. Но она заболела.

- Угу... - Клинг потер подбородок. - А как, вы сказали, ее зовут? Я ей позвоню и...

- Она улетела. В Калифорнию, - быстро проговорил брюнет.

Клиг снова оторвал взгляд от блокнота и посмотрел на задержанного. Донателли отвел глаза.

- И когда она улетела в Калифорнию? - осведомился Берт.

- Вчера. Села в самолет, что вылетает днем.

- А как ее зовут?

- Бетси.

- А фамилия? - не отступал Клинг.

- Фамилии не знаю.

- Как же так? - удивился детектив. - Вы же вроде сказали, что она ваша девушка.

- Ну, то есть как - девушка... - Донателли пожал плечами. - Если честно, то мы с ней познакомились прямо в субботу в парке. Она меня спросила, люблю ли я боулинг, я ответил, что уже давно в него не играл, и тогда она предложила отправиться вечером в боулинг-клуб. Я согласился, и мы договорились встретиться в десять вечера в «Авеню-Эль».

- Вы подъехали в клуб именно к этому времени? К десяти? - спросил Берт.

- Да. Но ее не было.

- Вы сказали, что она заболела, - задумчиво произнес детектив.

- Совершенно верно, - энергично кивнул брюнет.

- А откуда вы это узнали?

- Чего? Ах, вы об этом... - Донателли чуть помолчал. - Она оставила мне весточку. Когда я пришел в клуб, менеджер сказал, что звонила Бетси и просила передать, что она захворала.

- Понятно, - протянул Клинг. - То есть когда вы пришли, менеджер сказал, что Бетси оставила весточку Джеймсу Донателли...

- Джимми Донателли.

- Джимми Донателли, - исправился Клинг, - и в весточке было сказано, что она заболела и потому не сможет прийти.

- Да.

- То есть менеджер вас знает по имени и фамилии, так?

- Что? - заморгал Донателли.

- Менеджер. Боулинг-клуба. «Авеню-Эль», - чеканя каждое слово, повторил Берт. - Если Бетси передавала вам через него весточку, значит, он вас знает по имени и фамилии. Он должен вас помнить.

- Видите ли... - вздохнул брюнет.

- Что-то не так, мистер Донателли? - пристально посмотрел на него Клинг.

- Видите ли, я не уверен, что он меня помнит. Все же как-никак я там был в первый раз. Понимаете?

- Угу, - покивал детектив. - Итак, что было дальше после того, как вы пришли в клуб? Вы вроде сказали, что явились туда около десяти?

- Да, где-то в десять.

- Так, и что было дальше? К вам подошел менеджер и спросил, не вы ли Джимми Донателли?

- Да, - отозвался брюнет, - именно так он и спросил.

- Он что, спрашивал об этом каждого человека, входившего в клуб? - изумился Клинг.

- Нет. - Донателли помотал головой. - Ах, вот к чему вы клоните... Понял. Конечно нет. Бетси описала, как я выгляжу. Ну, темные волосы, голубые глаза. Так что как только я вошел, менеджер увидел мои волосы и глаза и, ясное дело, тут же спросил, не я ли Джимми Донателли.

- Что он еще сказал?

- Он передал мне весточку от Бетси. Что она заболела.

- И вы решили остаться поиграть в боулинг один, - промолвил Клинг.

- Да.

- И вам не пришло в голову пойти ее проведать?

- Так я же не знал, где она живет, - развел руками Донателли.

- Ну, разумеется, вы ведь даже не знали ее фамилии, - с понимающим видом произнес Берт.

- Совершенно верно. Как тогда не знал, так и сейчас не знаю.

- Значит, вы остались играть. - Клинг сделал пометку в блокноте. - А во сколько вы ушли из боулинг-клуба?

- Где-то в районе полуночи.

- То есть вы играли в боулинг до полуночи. С десяти до полуночи. Один. - Детектив поджал губы.

- Да.

- И вам не было скучно?

- Было, - признался Донателли.

- Но вы все равно продолжали играть, – утвердительно произнес детектив.
- Да.
- Что было дальше?
- Дальше я пошел домой, – ответил брюнет.
- А вчера днем Бетси улетела в Калифорнию.
- Да.
- Как вы об этом узнали? – поинтересовался Клинг.
- Она мне позвонила.
- Ах, во-от оно что, – протянул Берт. – Значит, у нее был ваш телефонный номер.
- Да.
- В таком случае почему она не позвонила вам, чтобы предупредить о своей болезни? – поднял бровь детектив. – Я имею в виду, в субботу вечером. Почему она вместо этого позвонила в боулинг-клуб?
- Наверное, она пыталась дозвониться и мне, но я уже ушел, – предположил Донателли.
- И вам не пришло в голову спросить у нее фамилию? Я имею в виду, когда она позвонила вам сказать, что улетает в Калифорнию.
- Я решил, что наше знакомство было случайным и больше никогда ее не увижу.
- А сколько ей лет, этой вашей Бетси? – прищурился Клинг.
- Достаточно, – отрезал брюнет. – На этот счет можете не волноваться.

- Просто я заметил, что в вашем деле сказано...

- Вам совершенно не о чем беспокоиться, - поспешно перебил его Донателли. - Мне прекрасно известно, что там сказано в моем деле, но это давняя история. Так что вам не о чем переживать. Ни к чему подобному я отношения не имею. Кроме того, ведь речь всего-навсего шла о невинной игре в боулинг, так что я, право...

- А не прокатиться ли нам в «Авеню-Эль»? - хлопнул по колену Клинг.

- Это еще зачем?

- Узнаем, помнит ли вас менеджер.

- Я сильно в этом сомневаюсь, - промямлил Донателли.

- А кто тогда, черт подери, вас помнит? - лопнуло терпение у детектива. - Вы пытаетесь убедить меня в том, что у вас есть алиби. Но кто его подтвердит? Я вам ясно объяснил, что вечером в субботу убили девушку, и вам прекрасно известно, что именно поэтому вас доставили сюда. Так что же, мистер Донателли, вы мне лапшу на уши вешаете? Думаете, я поверю, что вы два часа в одиночку играли в боулинг, потому что вам крутанула динамо ваша девушка, фамилии которой вы даже не знаете? Девушка, которая на следующий день, как нельзя кстати, улетела в Калифорнию! Да бросьте вы, а!

- Но это правда, - робко произнес Донателли.

- Стив, - окликнул напарника Клинг, - можно тебя на минутку?

Карелла как раз закончил допрос и, потягиваясь, сидел за своим столом в ожидании, когда приведут очередного задержанного. Встав, он подошел к Донателли и Берту.

- Это детектив Карелла, - представил товарища Клинг. - Мистер Донателли, вы не могли бы повторить ему все то, что сейчас рассказали?

Примерно минут через десять Донателли сменил показания.

К этому моменту они перебрались из инструктажной в комнату для допросов в конце коридора, где Донателли в очередной раз принялся рассказывать, как его кинула загадочная, скрывшаяся в Калифорнии Бетси, с которой он познакомился в парке субботним днем. Неожиданно Карелла спросил:

- А сколько, говорите, лет было этой вашей Бетси?

- Ну, как минимум девятнадцать-двадцать, - уверенно ответил брюнет.

- А вам сколько?

- Сорок шесть, сэр.

- Предпочитаете девушек помоложе? - хмыкнул Карелла.

- Девятнадцать-двадцать лет для него не предел, - буркнул Клинг. - Ты, Стив, в его дело загляни.

- Это давняя история, - быстро проговорил Донателли.

- Раствление малолетней с отягчающими обстоятельствами, - медленно произнес Стивен.

- Но это было очень давно.

- Девочке было десять лет, - мрачно произнес Карелла.

- Видите ли...

- Моей дочке почти десять. - В голосе Стива слышалась угроза.

- Понимаете...

- Так сколько Бетси лет? Сколько лет девушке, с которой вы собирались играть в боулинг в субботу вечером?

– Я же сказал. – Донателли поморщился. – Может, девятнадцать, может, двадцать. По крайней мере, выглядела она на этот возраст. И вообще, я же едва с ней познакомился и документы у нее не спрашивал.

– Принимая во внимание ваше прошлое, вам при знакомстве с девушками лучше все-таки спрашивать у них документы или заблаговременно уточнять, сколько им лет, – буркнул Карелла.

– Ну вот Бетси выглядела на девятнадцать-двадцать, – проговорил Донателли.

– Это я уже понял, – кивнул Стив. – А на самом деле сколько ей было?

– Ну вы и спросили... – протянул брюнет. – Откуда же мне знать? Мы же с ней виделись один раз, а больше так и не встретились.

– Потому что она заболела, так?

– Да, так.

– И позвонила в боулинг-клуб, чтобы оставить вам весточку.

– Да.

– А на следующий день улетела в Калифорнию?

– Да.

– Куда именно она полетела? – быстро спросил Карелла.

– Она вроде бы говорила, что в Сан-Франциско, – без всякой уверенности ответил Донателли, – а может, и в Лос-Анджелес.

– А может, и в Сан-Диего, – хмыкнул Клинг.

– Нет-нет, – поспешно возразил брюнет, – либо в Сан-Франциско, либо в Лос-Анджелес. Одно из двух.

- Ну что ж, если это правда, - задумчиво начал Карелла, - и если она улетела вчера...

- Совершенно верно, сэр, вчера, - кивнул Донателли.

- Мы можем свериться с расписанием рейсов. Днем в Калифорнию вылетов мало. Бетси - имя достаточно редкое, запросим списки пассажиров... - начал рассуждать вслух Стивен.

- Честно говоря, я не уверен, что она улетела именно в Калифорнию, - промямлил задержанный.

- Мистер Донателли, - вкрадчиво произнес Карелла, - вы отдаете себе отчет в том, что речь идет об убийстве? Об убийстве, понимаете? Вы осознаете, что в субботу вечером была зверски убита девушка и...

- Да, конечно, я все это понимаю и осознаю, - с жаром произнес брюнет.

- Так какого черта вы несете ерунду про боулинг, про девушку, с которой познакомились в парке? Что это значит, мистер Донателли? Хотите, чтобы мы поверили в эту срань? Хотите мой совет? Впрочем, я не вправе давать вам никаких советов - это работа адвоката. А адвоката, мистер Донателли, мы вам сейчас доставим. Принимая во внимание тот вздор, что вы несете, он вам понадобится в самое ближайшее время. Проблемы у вас будут очень серьезные - это я вам гарантирую. Так что давайте лучше начистоту.

- Не надо мне адвоката, - вздохнул брюнет, - не убивал я никого.

- Мистер Донателли, - официальным тоном произнес Карелла, - поскольку происходящее уже выходит за рамки обычной беседы, нам придется вас задержать. В связи с этим я обязан зачитать вам ваши права. По решению Верховного суда мы не можем задавать вам какие бы то ни было вопросы, не предупредив вас о вашем праве на адвоката и праве на отказ от свидетельствования против самого себя. Итак, во-первых, вы имеете право хранить молчание. Вам это понятно?

- Да.

- Во-вторых, вы имеете право не отвечать на наши вопросы. Вам это понятно?

- Да.

- В-третьих, - продолжил Карелла, - если вы все-таки решите отвечать на наши вопросы, ваши ответы могут быть использованы против вас. Это ясно?

- Да.

- Вы имеете право на помощь адвоката как до начала допроса, так и во время допроса. Если не располагаете средствами для найма адвоката, он вам будет предоставлен бесплатно. Вы все поняли, что я вам сказал?

- Да, я все понял.

- Вы готовы отвечать на наши вопросы без присутствия адвоката?

- Да, - кивнул Донателли. - Я никого не убивал.

- А что вы сделали? - тут же спросил Карелла.

Теперь у детектива были развязаны руки. Донателли обо всем предупредили, и он добровольно отказался от присутствия адвоката. Впрочем, это не давало стражам закона права удерживать его в участке на протяжении четырех суток, посменно допрашивая его без всякой передышки. Кстати сказать, в ходе допроса Донателли в любой момент мог передумать и заявить: «Я больше не желаю отвечать на вопросы», и на этом пришлось бы тут же поставить точку, поскольку закон обязывал уважать права задержанного. Во многих отношениях США - чудесная страна.

- Ничего я не делал, - буркнул Донателли.

- Где вы были в субботу вечером? Кстати, если не возражаете, давайте сэкономим время. Не надо нам снова гнать порожняк про боулинг-клуб.

- Я уже вам все рассказал, - упрямо произнес брюнет.

– А мы вам не поверили.

– И тем не менее это правда.

– Мистер Донателли, – вздохнул Карелла, – даже если вы от нас что-то скрываете, я сильно сомневаюсь, что ваша тайна серьезнее, чем убийство. Уверен, это понимаете и вы. Таким образом, если вы действительно от нас что-то утаиваете, настоятельно рекомендую выложить все начистоту. В противном случае мы начнем вас подозревать в совершении такого, о чем вам лучше даже не думать. А потом вы решите, что сделали глупость, и начнете просить нас вызвать адвоката. Ну как, скажете, где были в субботу вечером?

– Не могу. – Брюнет опустил голову.

– То есть в боулинг-клуб вы не ходили, я вас правильно понял? – прищурился Карелла.

– Я этого не говорил.

– Так где вы были?

– Я не могу ответить на ваш вопрос, – вздохнул задержанный.

– Почему?

– Потому что если я вам это скажу... Нет... Нет, не могу. – Брюнет замотал головой.

– Мистер Донателли, – мягко произнес Стивен, – у нас есть свидетель убийства. Есть девушка, которая может опознать человека, убившего Мюриэль Старк. Мы можем доставить ее прямо сюда. Мы вышлем за ней машину, и ровно через пять минут она будет здесь. Мы устроим официальную процедуру опознания, все честь по чести. Поставим перед ней шестерых детективов и вас и спросим, есть ли среди присутствующих человек, убивший ее двоюродную сестру. Ну как, мистер Донателли, что вы предпочитаете? Официальную процедуру опознания или честный ответ на вопрос, где вы были в субботу вечером между половиной одиннадцатого и половиной двенадцатого?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бар-мицва – иудейский праздник в честь достижения ребенком совершеннолетия (13 лет для мальчиков и 12 – для девочек).

2

«Изумрудное сообщество» – американская ассоциация работников полиции ирландского происхождения.

3

По законам США за тяжкие преступления категории «В» предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от 25 лет.

4

В США уголовное преследование за мужеложство было окончательно отменено Верховным судом только в 2003 году.

5

По законам США за правонарушение категории «В» предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок от одного месяца до полугода.

Купить: https://tellnovel.com/ru/makbeyn_ed/krovnoe-rodstvo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)